

Стилистические функции устаревших слов в художественной речи

1. Архаическая лексика в системе русского языка

1.1 Понятие архаизмов. Процессы архаизации и обновления русской лексики

Архаизмы (от греч. «древний») – слова, отдельные значения слов, словосочетания, а также некоторые грамматические формы и синтаксические конструкции, устаревшие и вышедшие из активного употребления[1].

Среди архаизмов выделяется группа историзмов, исчезновение которых из активного словаря связано с исчезновением тех или иных предметов и явлений из общественной жизни, например, «подъячий», «челобитье», «кольчуга», «конка», «нэпман». Обычно же архаизмы уступают место другим словам с тем же значением: «виктория» - «победа», «стогна» - «площадь», «рескрипт» - «указ», «лик», «око», «вежды», «млад». «град», придающие речи окраску торжественности. Некоторые неархаические слова теряют свое прежнее значение. Например, «Все, чем для прихоти обильной торгует Лондон щепетильный» (А.С. Пушкин, «Евгений Онегин»); здесь «щепетильный» имеет для настоящего времени архаическое значение «галантерейный». Или: «В последний раз Гудал садится на белогривого коня, и поезд тронулся» (М.Ю. Лермонтов, «Демон»). «Поезд» - не «состав железнодорожных вагонов», а «ряд всадников, едущих друг за другом». В отдельных случаях архаизмы могут возвращаться к жизни (сравним в русском языке XX в. Историю слов «совет», «указ» или «генерал», «офицер»). Иногда

архаические слова, ставшие непонятными, продолжают жить в некоторых устойчивых сочетаниях: «Ни зги не видно» - «совсем ничего не видно», «Сыр-бор загорелся» - «начался переполох».

В художественной литературе архаизмы широко используются как стилистическое средство для придания речи торжественности, для создания колорита эпохи, а также в сатирических целях. Мастерами использования архаизмов были А.С. Пушкин («Борис Годунов»), М.Е. Салтыков-Щедрин («История одного города»), В.В. Маяковский («Облако в штанах»), А.Н. Толстой («Петр Первый»), Ю.Н. Тынянов («Кюхля») и др.

Язык, как система находится в постоянном движении, развитии, и самым подвижным уровнем языка является лексика: она в первую очередь реагирует на все изменения в обществе, пополняясь новыми словами. В то же время наименования предметов, явлений, не получающих более применения в жизни народов, выходят из употребления.

В каждый период развития в нем функционируют слова, принадлежащие к активному словарному запасу, постоянно используемые в речи, и слова, вышедшие из повседневного употребления и поэтому получившие архаическую окраску. В то же время в лексической системе выделяются новые слова, которые только входят в нее и поэтому кажутся необычными, сохраняют оттенок свежести, новизны. Устаревшие и новые слова представляют собой две принципиально различные группы в составе лексики пассивного словарного запаса.

Слова, переставшие активно использоваться в языке, исчезают из него не сразу. Какое-то время они ещё понятны говорящим на данном языке, известны по художественной литературе, хотя

повседневная речевая практика уже не испытывает в них потребности. Такие слова составляют лексику пассивного запаса и приводятся в толковых словарях с пометкой «устар».

По мнению исследователей, процесс архаизации части словаря того или иного языка, как правило, проходит постепенно, поэтому среди устаревших слов есть такие, которые имеют весьма значительный «стаж» (например, чадо, ворог, рече, червлёный, посему, сей); другие же выделены из состава лексики современного русского языка, так как принадлежат древнерусскому периоду его развития. Иные слова устаревают за самый незначительный срок, возникнув в языке и исчезнув уже в новейший период. Для сравнения: Шкраб – в 20-е гг. заменило слово учитель, рабкрин – рабоче-крестьянская инспекция; энкаведист – работник НКВД. Такие номинации не всегда имеют соответствующие пометы в толковых словарях, поскольку процесс архаизации того или иного слова может осознаваться как ещё не завершённый.

Причины архаизации лексики различны: они могут носить внеязыковой (экстралингвистический) характер, если отказ от употребления слова связан с социальными преобразованиями в жизни общества, но могут быть обусловлены и лингвистическими законами. Например, наречия ошую, одесную (слева, справа) исчезли из активного словаря, потому что архаизовались производящие существительные шуйца – «левая рука» и десница – «правая рука». В подобных случаях решающую роль сыграли системные отношения лексических единиц. Так, вышло из употребления слова шуйца, распалась и смысловая связь слов, объединённых этим историческим корнем (например, слово Шульга не удержалось в языке в значении «левша» и осталось лишь как фамилия, восходящая к прозвищу). Разрушились

антомические пары (шуйца – десница, ошуюю – одесную), синонимические связи (ошую, слева)[2].

По своему происхождению устаревшая лексика неоднородна: в ее составе немало исконно русских слов (льзя, дабы, оный, семо), старославянизмов (глад, лобзать, чресла), заимствований из других языков (абшид – «отставка», вояж – «путешествие», политес – «вежливость»).

Известны случаи возрождения устаревших слов, возвращения их в активный лексический запас. Так, в современном русском языке активно используются такие существительные, как солдат, офицер, прапорщик, министр и ряд других, которые после Октября архаизовались, уступив место новым: красноармеец, начдив, нарком и т.д. В 20-е гг. из состава пассивной лексики было извлечено слово вождь, которое ещё в пушкинскую эпоху воспринималось как устаревшее и приводилось в словарях того времени с соответствующей стилистической пометой. Теперь оно вновь архаизируется.

Анализируя стилистические функции устаревших слов в художественной речи, нельзя не учитывать и того, что их употребление в отдельных случаях (как и обращение к иным лексическим средствам) может быть и не связано с конкретной стилистической задачей, а обусловлено особенностями авторского слога, индивидуальными пристрастиями писателя. Так, для М. Горького многие устаревшие слова были стилистически нейтральны, и он использовал их без особой стилистической установки: «Мимо нас, не спеша, проходили люди, влача за собою длинные тени...».

В поэтической речи пушкинской поры обращение к

неполногласным словам и другим старославянизмам, имеющим созвучные русские эквиваленты, нередко было обусловлено версификацией: в соответствии с требованием ритма и рифмы поэт отдавал предпочтение тому или иному варианту (на правах «поэтических вольностей»): «Я вздохну, и глас мой томный, арфы голосу подобный, тихо в воздухе умрет» (Бат); «Онегин, добрый мой приятель, родился на берегах Невы... - Иди же к невским берегам, новорожденное творенье...» (Пушкин). К концу XIX века поэтические вольности были изжиты и количество устаревшей лексики в стихотворном языке резко уменьшилось. Однако ещё и Блок, и Есенин, и Маяковский, и Брюсов, и другие поэты начала XX века отдали дань устаревшим словам, традиционно закрепленным за поэтической речью (правда, Маяковский уже обращался к архаизмам преимущественно как к средству иронии, сатиры). Отзвуки этой традиции встречаются и в наши дни: «Зима – солидный град районный, и никакое не село» (Евтушенко).

Кроме того, важно подчеркнуть, что при анализе стилистических функций устаревших слов в том или ином художественном произведении следует учитывать время его написания, знать общеязыковые нормы, которые действовали в ту эпоху. Ведь для писателя, жившего сто или двести лет назад, многие слова могли быть вполне современными, общеупотребительными единицами, ещё не перешедшими в пассивный состав лексики.

Необходимость обращения к устаревшему словарю возникает и у авторов научно-исторических произведений. Для описания прошлого России, ее реалий, ушедших в небытие, привлекаются историзмы, которые в таких случаях выступают в собственно номинативной функции. Так, академик Д.С. Лихачев в своих трудах «Слово о полку Игореве», «Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого» использует немало неизвестных

современному носителю языка слов, в основном историзмом, объясняя их значение.

Иногда высказывается мнение, что устаревшие слова употребляются и в официально-деловой речи. Действительно, в юридических документах иногда встречаются слова, которые в иных условиях мы вправе отнести к архаизмам: деяние, кара, возмездие, содеянное. В деловых бумагах пишут: к сему прилагается, сего рода, нижеподписавшийся, вышепоименованный. Такие слова следует рассматривать как специальные. Они закреплены в официально-деловом стиле и никакой экспрессивно-стилистической нагрузки в контексте не несут. Однако использование устаревших слов, не имеющих строгого терминологического значения, может стать причиной неоправданной архаизации делового языка. В высоко стратифицированных развитых языках, как, например, английском, архаизмы могут выполнять функцию профессионального жаргона, что особенно характерно для юриспруденции. Архаизм – лексическая единица, вышедшая из употребления, хотя соответствующий предмет (явление) остается в реальной жизни и получает другие названия (устаревшие слова, вытесненные или замененные современными синонимами). Причина появления архаизмов – в развитии языка, в обновлении его словаря: на смену одним словам приходят другие.

Вытесняемые из употребления слова не исчезают бесследно, они сохраняются в литературе прошлого, они необходимы в исторических романах и очерках – для воссоздания быта и языкового колорита эпохи. Примеры: чело – лоб, перст – палец, уста – губы и т.д.

Любой язык постоянно изменяется в течение времени.

Появляются новые слова, а некоторые лексические единицы незаметно уходят в прошлое, перестают использоваться в речи. Слова, вышедшие из употребления называют архаизмами. Применение их при написании стихотворных произведений крайне нежелательно – для некоторых читателей в результате этого смысл может быть частично утерян.

Однако для определенных категорий текстов архаизмы вполне допустимы и даже желательны. Среди них произведения, написанные на историческую и религиозную тематику. В этом случае умело использованный архаизм позволит автору более точно описать события, действия, объекты или свои чувства. К архаизмам относятся названия существующих ныне предметов и явлений, по каким-либо причинам вытесненные другими, более современными названиями. Например: вседневно – «всегда», комедиант – «актер», надобно – «надо», перси – «грудь», глаголить – «говорить», ведать – «знать». Некоторые ученые не рекомендуют путать архаизмы с историзмами. Если устарело не только слово, но и само явление, обозначаемое этим словом, то это историзм, например: вече, ендова, онучи и т.д. Другие ученые считают историзмы подвидом архаизмов. Если придерживаться этой, более простой позиции, то логичное и удобное для запоминания определение архаизмов звучит так: архаизмы – это устаревшие и вышедшие из обращения названия или названия устаревших, ушедших в историю предметов и явлений.

Среди собственно архаизмов, имеющих синонимы в современном языке, надо сделать различие между словами, которые уже полностью устарели и поэтому подчас непонятны членам коллектива, говорящим на данном языке, и таким архаизмами, которые находятся в стадии устаревания. Их значения понятны, однако, они уже почти не употребляются.

Таким образом, представляется целесообразным архаизмы разделить на слова старинные или забытые, которые представляют собой термины старины и воскрешаются только в особых стилистических целях в современном литературном языке, и слова устарелые, т.е. еще не потерявшие своего значения в системе лексики современного литературного языка.

К архаизмам нужно отнести и устаревшие формы слова, хотя последние должны рассматриваться не в разделе лексики, а в разделе морфологии. Однако, поскольку сама форма слова придает определенный архаический оттенок всему слову и поэтому часто употребляется в стилистических целях, мы рассматриваем их вместе с архаизмами лексическими. Роль архаизирующей лексики разнообразна. Во-первых, историзмы и архаизмы выполняют собственно номинативную функцию в научно-исторических работах. Характеризуя ту или иную эпоху, необходимо основные ее понятия, предметы, детали быта назвать соответствующими данному времени словами. В художественно-исторической прозе устаревшая лексика выполняет номинативно-стилистические функции. Способствуя воссоздания колорита эпохи, она в то же время служит стилистическим средством ее художественной характеристики. С этой целью используют историзмы и архаизмы. Временной характеристике способствуют лексико-семантические и лексико-словообразовательные архаизмы. Устаревшие слова выполняют и собственно стилистические функции. Так, они нередко являются средством создания особой торжественности, возвышенности текста – у А.С. Пушкина:

... Звучат кольчуги и мечи!

Страшись, о рать иноплеменных

России двинулись сыны;

Восстал и стар и млад: летят на дерзновенных.

Они используются как изобразительно-выразительное средство, особенно в сочетании с новыми слова – у. Е. Евтушенко: «... И стоят элеваторы холодны и пусты. Над землею поднятые, словно божьи персты». Архаизирующая лексика может служить средством создания юмора, иронии, сатиры. В этом случае подобные слова употребляются в семантически чуждом для них окружении.

1.2 Лингвистическая наука об архаизмах и их стилистическом использовании

На разных этапах своего развития поэтический язык стремится присвоить себе те формы, которые «не освоены практикой повседневного конкретно-референтного употребления, то есть имеют слабый ореол связанности с денотативным внеязыковым пространством»[3]. Сюда мы относим мифологический словарь, окказиональные имена, различного рода архаизмы, которые и являются предметом нашего исследования.

«По своему значению они могут полностью совпадать со своими синонимами, принятыми в языке повседневного общения, в других формах речевой деятельности, а отличаются именно тем, что в сознании говорящего они не связываются с привычными для них предметами и в привычном для них освоенном неязыковом пространстве.

В парах глаза – очи, лоб – чело, губы – уста и под. исходное противопоставление лежит прежде всего в референциальной сфере.

Специфические явления поэтического языка являются, таким образом, сигналом и подтверждением того особого денотативного пространства, с которым связан стихотворный текст»[4].

Архаизмы занимают особое место в составе русской лексики. Сложным представляется вопрос о том, что считать в системе языка архаической лексикой, а также каков объём самого понятия «архаизм», как он соотносится, к примеру, с понятиями «славянизм» и «традиционно-поэтическая лексика», которые отдельно изучались рядом исследователей.

И архаизмы, и славянизмы, и традиционно-поэтические слова относятся к пассивному словарному запасу. «Всё, что тем или иным способом выпадает из активного языкового употребления, архаизируется, причём степень архаизации определяется временем и живым языковым сознанием говорящих»[5]. Мы полагаем, что отношения между указанными понятиями являются родовидовыми. Оговорим здесь же, что под традиционно-поэтическими словами (в том числе неславянского происхождения) и стилистическими славянизмами мы будем понимать собственно-лексические архаизмы. Таким образом, архаизм шире славянизма, так как может быть представлен и словом не славянского происхождения (русизм «ворог»), и шире традиционно-поэтического слова в качестве собственно-лексического архаизма, так как помимо этой группы существуют архаизмы лексико-фонетические, лексико-словообразовательные и грамматические. (В определении последних сложности нет, так как признак архаизации виден очень ясно).

О.С. Ахманова дает такое определение архаизма:

«1. Слово или выражение, вышедшее из повседневного употребления и потому воспринимающееся как устарелое: русский ваятель, вдовствовать, вдовица, врачевание, втуне, даяние, издревле, лихоимство, навет, наущать.

2. Троп, состоящий в употреблении старого (старинного) слова или выражения в целях исторической стилизации, придания речи возвышенной стилистической окраски, достижения комического эффекта и т.п. русск. перст судьбы»[6].

Здесь мы рассматриваем архаизмы грамматические и лексические. К грамматическим, или морфологическим, относим устаревшие формы слова (крыла, пламень, дерева и т. д.).

В группе лексических архаизмов выделим, вслед за Н.М. Шанским, три подгруппы: собственно-лексические, лексико-словообразовательные и лексико-фонетические.

«В одном случае мы имеем дело с такими словами, которые ныне вытеснены в пассивный словарный запас словами с другой неприпроизводной основой. Например: вотше (напрасно), понеже (потому что), ветрило (парус), выя (шея) и др.

В другом случае мы имеем дело с такими словами, которым ныне в качестве языковой оболочки выражаемых ими понятий соответствуют слова однокорневого характера, с той же самой неприпроизводной основой. Например: пастырь – пастух, ответственность – отвечать, свирепство – свирепость и т. д.

В этом случае слово, употребляющееся в активном словаре сейчас, отличается от архаизма лишь с точки зрения словообразовательного строения, лишь суффиксами или

префиксами, производная же основа в них одна и та же, и образованы они от одного и того же слова < ... >

В третьем случае мы имеем дело с такими словами, которые в настоящее время в качестве языковой оболочки соответствующих понятий заменены в активном словаре словами того же корня, но несколько иного языкового облика. Например: зеркало (зеркало), глад (голод), вран (ворон) и др.»[7].

Поэзия всегда строится на языковой базе традиционного и нового.

«Взаимодействие традиции, наследия прошлого с утверждением нового, вечное взаимодействие, которым живёт эстетический акт»[8]. Исследователи

«От того, как сумеет поэт приспособить языковые средства, унаследованные современной поэтической речью от прошлых эпох развития литературного языка, к выражению нового содержания, насущных проблем современности, личного душевного опыта, во многом зависит художественная выразительность лирического произведения, его эстетический потенциал».

В связи с этим легко объясним интерес к тем лексическим элементам современного поэтического языка, с помощью которых осуществляется его связь с историческим прошлым литературного языка и собственно языка поэзии, то есть к лексике высокой, поэтической, архаической.

Необходимо отметить разницу между нормой современного литературного языка (как она отражена в толковых словарях современного литературного языка) и нормой современной стихотворной речи. «Последняя в большей мере открыта для

лексики архаической, вышедшей из активного речевого употребления. То, что для литературного языка является устарелым, в поэзии чаще «высокое» или «поэтическое» в силу замкнутости лирического текста, экспрессивно-стилистической функции речевого материала и способа его организации».

К собственно-лексическим архаизмам (и это весьма существенный момент) могут быть отнесены только те слова, которые вытеснены из современной речевой практики или активными в употреблении синонимами, или уходом в прошлое называемых этими словами реалий (историзмы).

«Ряд слов, восходящих к церковнославянскому источнику, устарев в прямом номинативном значении (оно вытеснено, как правило, активным в употреблении русским дублетом), активно функционирует в поэзии, как, впрочем, и в литературном языке, в своих переносных значениях. Однако и архаические прямые значения этих слов, забытых речевым узусом, находят использование в современной поэзии, если они отвечают стилевой установке поэта»[9].

Многие слова, которые сейчас мы воспринимаем как устаревшие, употреблялись в своём прямом значении в литературе XVIII -XIX веков. Сфера их употребления была ограниченной, и это отразилось на их дальнейшей судьбе: они стали восприниматься как «специфические сигналы условий их употребления»[10]. Таким образом сформировался ряд поэтизмов, многие из которых отличаются тем, что имеют ограниченные возможности сочетаться с другими словами.

Исходя из вышеизложенного, скажем, вслед за исследователями, что литература прошлых веков обогатила речевую практику поэтов

современности большим количеством лексики, которая отличалась специфическим книжным применением. Степень архаизации этой лексики различна. Она зависит от стилистической окраски слов, характера их связи, содержания текста, в котором она реализуется. На сегодняшний день такая лексика воспринимается нами как архаическая высокая, высокая книжная или поэтическая. Подобное восприятие открывает широкие возможности и «эмоционально контрастного применения названного пласта лексики – шутливого, иронического, сатирического – как следствия несовместимости установившейся в языке стилистической окраски с наименованием данного конкретного предмета или с резко отрицательным отношением к нему автора[11].

Естественно, что создание высокой тональности поэтического произведения достигается не только включением в него архаической лексики.

Однако никто не отрицает её огромного изобразительно-выразительного потенциала, позволяющего обогатить образы, создаваемые поэтом в стихотворном произведении определённой тематической направленности, и добиться разнообразных эмоциональных оттенков. Уместность обращения к этой лексике определяется, во-первых, эмоционально-стилистическими возможностями языковых явлений, во-вторых, индивидуальным авторским восприятием архаических слов и, в-третьих, учитыванием автором конкретного контекстуального их положения.

Несмотря на мнение некоторых языковедов, полагающих, что архаизмы высокого стиля в поэзии наших дней – весьма редкое явление (а О.С.Ахманова считает употребление их свидетельством чуть ли не дурного вкуса), наблюдения показывают, что эта

категория слов используется многими современными поэтами. Так Е.А. Дворникова приводит следующие данные:

«Только в толстых журналах, вышедших в Москве и Ленинграде в 1972 году, эту лексику используют 84 печатавшихся в них поэта: И. Авраменко, П. Антокольский, А. Вознесенский и другие»[12].

Дворникова же говорит и о причинах её употребления, определяя поэтический фон этого периода. «В 60-70-е годы, а возможно, и во второй половине 50-х годов, наблюдается оживление в употреблении слов данной категории. Во многом это связано с расширением тематики стихотворных жанров, с большим вниманием к старине, более частым обращением к интимной лирике, развитием философской лирики и творческим использованием традиций Пушкина, Тютчева, Есенина»[13].

Далее она замечает: «При рассмотрении места традиционно-поэтической лексики в истории стихотворного языка советского периода важно отделить индивидуальное, авторское от характерного для языка эпохи, обусловленное тематикой от заведомо предназначенного для достижения стилистических и технических целей»[14].

Сам факт обращения к архаической, высокой лексике многих современных авторов говорит о том, что эта лексика осознается ими как одно из средств стилистической выразительности. Таким образом, всё сказанное не позволяет считать рассматриваемый лексический пласт как чуждое языку современной поэзии явление.

В употреблении данного языкового пласта лексики современные поэты не ограничиваются обращением к конкретным словам. Они прибегают и к архаическим грамматическим формам отдельных

слов, к архаическим словообразовательным моделям, что позволяет им воссоздавать утраченное или создавать новые слова по старым образцам.

Можно отметить особую активность отдельных авторов в использовании данного лексического материала. Например, наименование устарелых реалий и признаков (в частности, лексика «культового» тематического поля) широко привлекается А. Вознесенским.

Рассмотрим функциональную направленность изучаемых слов:

1. Наиболее часто лексика рассматриваемого ряда употребляется как средство, сообщающее тексту или его части высокую, торжественную окраску или ироническую эмоциональную окрашенность. «Экспрессия лексики через слово передается предмету, явлению, признаку, действию, которые таким способом «поэтически» утверждаются, возвышаются или (при иронии) отрицаются, осмеиваются, вышучиваются»[15].

Эта функция осуществляется и в таких условиях, когда интересующие нас слова сочетаются с лексикой иного ряда, образуемого просторечиями, наименованиями «низких» (связанных с бытом) реалий, признаков, действий.

Такие смешанные тексты, по мнению исследователей, являются специфической чертой нового времени.

2. Характерологическая функция, связанная со свойством рассматриваемой лексики сообщать тексту колорит какой-либо эпохи или продемонстрировать связь с литературным прошлым.

3. Писатели и публицисты употребляют архаическую лексику в пародийном плане для снижения стиля речи, для создания комического эффекта, в целях иронии, сатиры. Эта функция также считается основной и выделяется всеми исследователями.

4. В языке современной поэзии архаизмы являются также средством поэтизации речи. С их помощью создается экспрессия лиричности, утонченности, задушевности, музыкальности. Подавляющее большинство слов-поэтизмов современности восходит к той традиционно-поэтической лексике, которая складывается как стилистическая категория на рубеже XVIII-XIX веков и исторически закрепляется за стихотворными жанрами. «Являясь «носителями испытанных эмоций», поэтизмы иногда употребляются в духе традиций XIX века»[16].

5. В современной поэтической речи встречается также употребление исследуемых слов без определенной стилистической целеустановки. Использование таких лексем определяется версификационными целями. В стихах современных поэтов встречаются традиционные рифмы-штампы (очи-ночи).

Скажем, в заключение, несколько слов об истории исследуемого лексического пласта в XX веке, опираясь на работы лингвистов, посвященные славянизмам и традиционно-поэтической лексике[17].

1. По сравнению с пушкинской эпохой объем архаической лексики резко сократился. Сокращение произошло за счет слов, не обладающих стилистической выразительностью (престать, драгошь и т.д.), слов, представляющих собою искусственно созданные варианты общеупотребительных названий (с'единить, сокрывать и т.д.), и, наконец, уменьшилось число слов, которые отличались от

своих общеупотребительных синонимов наличием фонетического признака неполногласия (мраз, глад и пр.).

Другой путь изменения архаизмов, в основном старославянского происхождения, состоит в том, что к ней примкнули исконно русские слова, в своё время вытесненные из языка вообще или в некоторых случаях из поэтической речи старославянскими эквивалентами: ворог, полон, к ним близка форма дерева. Исследователи отмечают, что оживление этой категории слов связано главным образом с тематикой поэзии Великой Отечественной войны.

2. Изменения коснулись и семантики некоторых слов. Например, слово «сень», имевшее обобщенное значение (покров), в употреблении современных поэтов сужает семантику и означает (лиственный покров деревьев). Лексика рассматриваемой категории, обозначающая названия частей человеческого лица и тела, в современной поэзии нередко употребляется в метафорических контекстах. Чаще всего слова этой группы употребляются при олицетворении сил природы (ланиты весны, десница ветра и т.п.).

3. С функциональной точки зрения прежняя роль изучаемых лексем, в основном, сохраняется, но особенно часто они привлекаются в случаях, когда речь идет о литературном прошлом. Тогда к ним обращаются даже те поэты, которые обычно ими не пользуются. Особенно это проявляется в стихах, посвященных Пушкину. Так же, как и в литературе XVIII-XIX веков, наблюдается совмещение версификационной и стилистической функции архаизмов.

4. Состав и употребительность архаической лексики в разные этапы

истории русского языка советской эпохи различны.

В творчестве поэтов 20-30-х годов (время «языковой разрухи», отрицания авторитетов и традиций прошлого, годы последующего господства нейтрального стиля в поэзии) слова этой группы употребляются с минимальной частотностью.

Во многом это объясняется преобладанием социальной тематики. В годы войны и первого послевоенного десятилетия в связи с преобладанием патриотической тематики и общим духовным подъемом в определенной степени воскрешаются традиции возвышенного стиля, и в поэзии вновь появляется традиционная лексика стихотворного языка, главным образом её риторическая разновидность, обогащённая архаическими словами древнерусского происхождения.

Заключение

Нами были исследованы и описаны особенности лексической системы, а именно устаревшей лексики в повести Л.Н. Толстого «Детство».

Нами была рассмотрена и описана архаическая лексика в языке Л.Н. Толстого; собран материал архаических явлений и объединен в тематические группы; проанализирован процесс архаизации по тематическим группам; составлена библиография по данной теме.

В русской лексике есть две схожих группы слова – архаизмы и историзмы. Их близость заключается в том, что в современном языке практически не используются, хотя ещё сто-двести лет они их употребляли ничуть не реже, чем остальные слова. И архаизмы, и историзмы называют устаревшими слова.

Известно, что архаизмы придают колорит старины. Без них

невозможно было бы достоверно передавать речь людей, живших несколько сотен лет назад. Кроме того, архаизмы часто имеют возвышенный, торжественный оттенок, который будет не лишним в поэтическом языке, но совершенно ненужным в языке официальных документов и часто излишним в публицистике. Конечно, отбрасывать архаизмы совсем нельзя, однако и украшать ими речь нужно очень осторожно – подводных камней здесь, достаточно.

В заключении хотелось бы отметить, что, изучая архаизмы, мы можем обогатить как пассивный, так и активный запас, повысить языковую культуру, внести «изюминку» в устную и письменную речь, сделать ее ещё выразительнее и воспользоваться богатством, которое сберегли для нас отцы и деды. Не нужно забывать, что архаизмы – это языковая сокровищница – богатейшее наследие, которое мы не имеем права растерять, как растеряли уже многое.

Список литературы:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. Бирюков С. Амплитуда слова. О языке поэзии // Литературное обозрение. 1988. № 1. С. 18-21.
3. Виноградов В.В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976. 512 с.
4. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М.: Высшая школа, 1981. 320с.
5. Винокур Г.О. Наследство XVIII века в стихотворном языке Пушкина // Винокур Г.О. О языке художественной литературы. М.: Высшая школа, 1991. с. 228-236.

6. Винокур Г.О. Об изучении языка литературных произведений // Винокур Г.О. . О языке художественной литературы. М.: Высшая школа, 1991. с. 32-63.
7. Винокур Г.О. О славянизмах в современном русском литературном языке // Винокур Г.О.Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959.
8. Гинзбург Л. О лирике. М.-Л.: Советский писатель, 1964. 382 с.
9. Григорьева А.Д. Об основном словарном фонде и словарном составе русского языка. М.: Учпедгиз, 1953. 68 с.
10. Григорьева А.Д., Иванова Н.Н. Язык поэзии XIX – XX веков. Фет. Современная лирика. М.: Наука, 1985. 232 с.
11. Дворникова Е.А. Проблемы изучения традиционно-поэтической лексики в современном русском языке // Вопросы лексикологии. Новосибирск: Наука, 1977. с.141-154.